

РИСУНКИ ЭФФЕНДИ КАПИЕВА

Те, кто близко знал Эффенди Капиева, помнят: он всегда рисовал... Стоило оказаться в его руке карандашу (а чернил он терпеть не мог и писал ими лишь официальные бумаги да письмо), как на первом попавшемся клочке бумаги появлялись

беглые наброски. Чаще всего это были угловатые силуэты человеческих фигур, косо парящая в небе птица, острые изломы гор...

В отрочестве и в юности тяга к рисунку уживалась в душе Эффенди рядом с любовью к поэтическому слову, подчас едва ли не заслоняла эту любовь. Любопытно, что в комсомол его, тринадцатилетнего, в 1922 году привела способность к рисованию. «За умение делать карикатуры и оформлять стенгазету был отмечен комсомольской ячейкой и принят ею в воспитанники» (пионерских отрядов тогда еще не было), — рассказывает писатель в своей автобиографии.

Врожденным способностям и влечению помог развиваться талантливый русский педагог, учитель рисования в Буйнакске — Михаил Иванович Чебдар. Имя это Капиев и много лет спустя произносил с благодарностью.

— Конечно, художника, как Михаил Иванович прочил, из меня не вышло. Силенки слабоваты! Но этот человек помог мне понять могущество, возможности изобразительного искусства. Любя сам, он и нас, своих учеников, научил любить красоту.

Увлечение было стойким и длительным. Капиев рисовал карандашом и акварелью с натуры.

Колировал полюбившиеся ему картины. Рисунков этих, по его словам, у него было множество. Даря мне однажды копию с какого-то женского портрета, он сделал на обороте надпись:

«Очень аккуратно вел я ученические тетради. (Я с детства «формалист».) Случайно теперь обнаружил клад. (Считал: растащили, нет, погибли!) Ты не поверишь, как я удивился. В кипе — папка с рисунками. Это — далеко не лучшее. Этот этюд, не помню из какого журнала срисованный, я даю тебе: девушка ужасно напоминает тебя. Чуть бы живее глаза, и прямо копия. Береги. Очень прошу, береги себе на память.

Я бы все принес, показать хотя бы, но тематика не революционная (1925-26-27-28-29 годы), вроде прилагаемой «Зимы». Кроме того, подражания Мусаеву, Джемалу* и, кажется, Самокишу — кони, бои, снаряды взорвавшиеся. Так-то! Кстати, я никогда не прошу А., он куда-то заложил мою очень старательно нарисованную группу «В старой аульной школе». 1928 год — первая самостоятельная картина»...

Дальше этих юношеских опытов депо у Капиева, однако, не пошло. Чтобы стать художником, надо было серьезно учиться живописи. А в его сердце с годами безраздельно воцарилась одна-единственная владычица - литература. Но пристрастие к рисунку осталось. Остались и неизменная любовь к изобразительному искусству, обостренное, тонкое понимание.

Много способствовала поддержанию интересов Капиева в этой области и развитию его вкуса долготелая дружба с выдающимся живописцем Муэтдином Джемалом. Джемал — ученик Е. Лансере по Академии Художеств, был старше Эффенди, широко образован. Искусство всех стран и эпох было для него открытой книгой. О нем он мог говорить вдохновенно, часами... Превосходно знал он античную литературу, поэзию древнего Востока... У него в мастерской, в горке орехового дерева поблескивали за стеклом корешки редких изданий, многокрасочных альбомов, монографий о выдающихся мастерах. И своими знаниями и своими книжными богатствами Джемал охотно делился с Капиевым и в свою очередь очень ценил его мнение, врожденное чутье, свежесть восприятия.

Дружба помогала в работе. Джемал и Лансере оформляли подготовленную Эффенди и вылуценную в 1934 году в Москве «Дагестанскую антологию». Это была одна из первых антологий братских литератур, изданных на русском языке в Советском Союзе. Е. Лансере сделал рисунок суперобложки. Великолепный мастер, некогда выполнивший классические иллюстрации к «Хаджи-Мурату» и влюбленный в горы Дагестана, он и здесь нарисовал их гряды. Цепь затуманенных гор пересечена силуэтами: горцы, горяча коней, поднимаются из ущелья на вершину, а навстречу им крупным планом устремлены, как символ труда и

культуры, ручки с перьями, молот и серп... Джемал взял на себя внутреннее оформление книги: десятки изящных, отточенных концовок и заставок, созданных на основе древних дагестанских каменных орнаментов...

Совсем недавно, перебирая в архиве старые газеты начала 30-х годов, я обнаружила в одной из них репродукцию с картины Джемала «Тупик единоличника». Она напечатана с подтекстовкой Капиева. Так как эта своеобразная миниатюра никогда и нигде больше не перепечатывалась, я приведу из нее отрывок.

«...Ранним весенним утром он вышел пахать. Далеко от аула на каменистой террасе среди голых и высоких скал лежит его убогий клочок земли. Истощавшие за зиму старые быки еле волочили пуруц...* Был он беден и одинок в работе. Тяжелые и суровые горы окружили его судьбу. Взгляните на картину внимательней: разве не кажется вам, что эти величавые и угрюмые скалы навсегда сомкнулись перед слабеньким человеком с его ничтожными средствами, и что никогда уже не вырваться ему из этого проклятого каменного мешка. Человек обречен на одичание и гибель...

Это — беспробудное, беспросветное прошлое страны гор...

И вот он пахал... В подлиннике замечательно такое свежее и нетронутое вершинное солнце. Оно оседает холодной оранжевой пылью на скалах и растекается по ложбинам гор. Снизу, из глубоких ущелий поднимается туман. Тихое, безмолвное и пустынное утро...

И вот на повороте, когда человеку осталось еще немного напряжения, дряхлый дедовский пуруц не выдержал... деревянное дышло переломилось. Стали быки...

Кругом безмолвные и дикие громады, и только эхо откликается на призывы да вспугнутая криками какая-то хищная птица кружит над пропастью в голубоватом и легком тумане...

А он стоял, оглушенный горем, от бессилья опустив на грудь отяжелевшую голову, и беспомощные усталые руки его лежали по сторонам. Он был одинок. Тяжелые и суровые горы окружали его судьбу...»

Те, кто читал книгу новелл Капиева «Поэт», посвященную старому народному певцу Сулейману, легко почувствуют в этом отрывке предвещание типично капиевской манеры письма, уже складывавшееся тогда своеобразие его языка («свежее и нетронутое вершинное солнце», «оседающее оранжевой пылью на скалах», «пустынное утро...») И кто знает, не с воспоминаниями ли о картине Джемала связан один из эпизодов «Поэта»? Так же пашет пуруцом поэт Сулейман одинокое поле, так же понуро стоят среди поля его буйволы, так же он обойден судьбою и слаб...

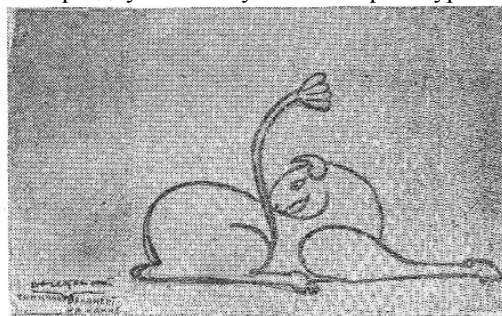
Дружба Капиева с Джемалом длилась до последних дней жизни писателя. Их сближала общая преданность искусству и литературе. Это не значит, впрочем, что вкусы их были едины во всем.

Случалось, они и спорили. В литературе Джемал трудно «привыкал» к новому, не любил, например, Маяковского. А симпатии Капиева клонились ко всему молодому, свежему, задорному... Джемала в минуты спора он яростно называл «закоснелым классиком»...

Что любил Капиев? Из русского предреволюционного искусства — Серова, Левитана, Врубеля. Из старых мастеров Европы — Микеланджело, Рембрандта... Среди советских художников он особо отличал солнечное, национально-родственное ему искусство Сарьяна, плакатно-резкую живопись Дейнеки, гравюры Фаворского... Отлично знал и высоко ценил Капиев живопись Фракции. Когда он впервые повел меня, кажется, в 1934 году, в Музей западного искусства в Москве (был тогда там такой музей, позднее, в годы культа личности, закрытый), он «листал» передо мной залы один за другим, как хорошо знакомую книгу. Я до сих пор, когда случится, глядя на полотна Пикассо,— противоречивый и сложный красочный язык этого мастера мне впервые расшифровал Эффенди, — дивлюсь безошибочности молодых оценок писателя, подтвержденной нашим временем, широта его суждений, чуждых всякой узости и предвзятости.

Интерес к изобразительному искусству, вспыхнувший у Капиева в юности, с годами окреп и никогда не угасал. Он составлял частицу его духовного мира, приносил ему много радости. Он любил собирать репродукции с нравящихся ему произведений. Так «охотился» он за оттисками персидских миниатюр, за гравюрами старого японца Хokusai... Но возвращаюсь к непосредственной теме.

Над рисунками своими, понимая их непрофессиональность, Капиев иногда добродушно подшучивал... Но он никогда не смотрел на них, как на праздную забаву. Его карикатуры на темы

аульного быка печатались в кумыкской газете «Елдаш» («Товарищ»)... Он собственноручно оформил первый в Дагестане журнал на русском языке «Штурм»... Немало зарисовок разбросано по страницам записных книжек Капиева. Бывая в горах, он для памяти рисовал поразившие его лица, архитектурно интересные старинные постройки, орнаменты на стенах домов и мечетей, редкую утварь, иногда — пейзажи...

Шли годы. Обнаружилось, что рисунок помогает писателю отчетливее увидеть то, что он хотел бы выразить словом. Так постепенно начали накапливаться в его папках наброски,

графически связанные с литературной темой, зреющей в воображении.

Много лет вынашивал он в своем сердце образ народного певца. Тема представляла перед ним по-разному. Однако, еще будучи далек от замысла своей книги «Поэт», в которой, как уже говорилось, гневный герой — старый поэт Сулейман, Капиев различая сквозь «магический кристалл» творческого представления, что герой его отягощен годами, немощен телом, что его часто посещают сожаления об утраченной молодости, оставшейся где-то вдали, за туманными перевалами жизни... Облик старости, психология старости издавна были загадкой, разгадать которую хотелось писателю.

В архиве Капиева сохранились рисунки разных лет. Старики, старики, старики горцы смотрят на нас с

этих карандашных набросков. Вот один с грозным лицом указывает протянутой рукой, в которой зажата папаха, куда-то на дальние горы, и косо летящая птица парит за его спиной. Вот другой, в лохматой бараньей шубе с длинными, почти до земли, узкими рукавами, опершись на посох, стоит под облетающим осенним деревом. И еще один — в бурке: тонкое лицо, удлиненное белой бородой, тонкая рука, притенившая глаза. Во всей позе — скорбь и задумчивость...

Старческая беспомощность и печаль, красота и мудрость старости, таковы мотивы этих набросков. Писатель сопровождал их подписями. Подчас они предельно лаконичны: «Там!»... Подчас это как бы лирические раздумья, подобные

стихотворениям в прозе или крохотным новеллам...

«Каждый день в эту осень он выходил на дорогу. Жухлая трава шелестела на крыше его одинокой сакли. Он ждал сына. Вот уже двадцать лет, как ушел его сын из дому, и с тех пор старый Махмуд не слышал о нем ничего. В эту осень он был уверен, что вот-вот покажется на дороге всадник. Знакомый и родной голос сына звучал за косогором и отдавался в груди старика. Старик слушал, и сердце его напрягалось. Иногда по ночам он вскакивал с постели. Ему казалось, что в окно стучит сын и зовет его по имени:

— Махмуд, эй, Махмуд, открывай!

Но сына не было. Напрасно ждал старик, выходя во двор»...

Эти тексты со своими «микросюжетами», с особой музыкой лирической речи, с очень капиевскими интонациями, убедительно подтверждают: рисунки не прихоть, не баловство со случайно подвернувшимся под руку карандашом. Они наглядно говорят о неразрывности для Капиева графического и словесного воплощения темы. Рисуя, он ищет зримое, вернее, зрительное воплощение задуманного им образа.

И когда читаешь «Поэта», узнаешь в портрете Сулеймана многие черты, разбросанные в карандашных эскизах Капиева... И Сулейман, как тот старик с рисунка, стоит в задумчивости на дороге у своей сакли... Или застывает неподвижно под деревом, с которого медленно падает осенняя листва... А не то, притенив глаза ладонью, словно вслушивается в самого себя, и над головой его парит орел, а он смотрит вдаль, в безмолвной печали по уходящему дню, по бесследно сгнувшейся молодости...

Капиев имел обыкновение собственноручно делать эскизы к обложкам своих книг. Когда должно было выйти в 1941 году в Москве первое издание «Поэта», оформление его он поручил художнику Николаю Лакову, с которым его так же, как и с Джемалом, связывала многолетняя дружба. Капиев не только предложил Лакову для иллюстраций свои темы, «сценарии», как он их называл, но и сделал для некоторых из них наброски (разумеется, очень условные). Он вообще был твердо убежден, что внешний вид книги — дело не одного лишь художника, что это непосредственно касается автора, и всегда удивлялся литераторам, для которых — только бы книжка была напечатана, а как она выглядит, — им безразлично.

В сохранившихся письмах Капиева к Лакову, кроме множества советов, просьб, требований и пожеланий, есть и эскизы авторского макета обложки и форзаца к книге. На обложке Капиев просил нарисовать меч и розу и обосновывал свое желание так:

«Здесь есть и мысль, идея книги. В одной из новелл доказывается, что вдохновение поэта — обоюдоострый меч, с которым поэт бросается в рукопашную с самим собой. Кроме того, меч — символ активности и благородного, мужественного, а роза — символ лирики. Не надо бояться, что это ассоциация с рыцарскими временами. Это даже

хорошо. Сулейман у меня — если вникнуть — очень похож на Дон-Кихота»...

А на форзаце писатель хотел бы видеть старого поэта у берега моря. «Старик напряженно вглядывается в восход солнца. Он стоит один перед миром, перед рождающимся утром мира... Общий колорит, легкий, как призрак»... Рядом с этими словами карандаш Капиева чертит набросок — сделанную легкими, беглыми штрихами фигуру старика. Она — обращение к Лакову и нарисована лишь намеком, чтобы оставить простор воображению иллюстратора.

И еще раз вернется Капиев к своему любимому образу.

Знакомое лицо старого горца под лохматой папашой. Оно удлинено белой бородой; исхудалая, тонкая рука притенила лоб и глаза... Это рисунок с первой страницы первого фронтового блокнота Капиева. «Война, старик, война!» — гласит краткая надпись.

Затем суровые события военных лет заслонили, отодвинули этот образ. Пришли иные темы. Жизнь звала к бою.

Рука писателя рисует и в эти военные годы. Он делает эскизы карикатур для окон ТАСС, для выходявших в Пятигорске антифашистских плакатов. Он сам находит темы рисунков и сам же сочиняет к ним гневные сатирические стихи («Наподобие Марш-Кукрыниксов», — как он шутил, имея в виду содружество С. Маршака с Кукрыниксами). Рисунок и слово для него по-прежнему неразделимы.

Один из последних набросков Капиева — маленький макет обложки для издания «Поэта» в Ставрополе. Это снова — меч и роза, сочетание, может быть, поэтому так полюбившееся ему, что мужество и лирика были необъемлемыми свойствами его души, души художника и поэта.

НАТАЛЬЯ КАПИЕВА